

6
Санкт-Петербургский Государственный Университет

На правах рукописи

003479704

Круглова Анна Рослановна

**ЗОЛОТОШВЕЙНОЕ РУКОДЕЛИЕ
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ И ЦАРСКИХ МАСТЕРСКИХ
XV–XVI вв.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

15 ОКТ 2009

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Круглова

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре Истории России с древнейших времен до начала XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор
Петров Алексей Владимирович

Официальные оппоненты - доктор исторических наук, профессор
Альшиц Даниил Натапович

- кандидат исторических наук
Лобин Алексей Николаевич

Ведущая организация - Удмуртский Государственный университет

Защита диссертации состоится « 11 » ноября 2009 г. в 16.30
часов на заседании совета Д.212.232.52 по защите докторских и канди-
дагских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном универ-
ситете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия,
дом 5, Исторический факультет, ауд. 70.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М.
Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан « 3 » октября 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Бачурина О.Н.

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В последние десятилетия к художественному наследию древнерусской культуры историки стали обращаться все чаще. Действительно, памятники искусства Древней Руси помимо своей эстетической значимости представляют интерес и в качестве отдельного вида источников, проясняющих некоторые не вполне изученные события и явления, касающиеся отдельных персоналий, эпизодов их жизни, обычно довольно скудно освещенных в памятниках письменности того времени.

Золотное шитье — памятники золотного шитья и сама традиция благочестивых занятий шитьем — является необычным для отечественной историографии, но весьма информативным источником, который дает широкое общее представление о жизни и быте женщины Древней Руси, а также сведения о жизни конкретных более или менее известных личностей. Иногда шитые произведения содержат имена людей, нигде в каких-либо других памятниках не упоминаемых¹. О значении такого рода данных на древних памятниках — от сфрагистических до иконописных — писал еще В. Л. Янин². Эти памятники также отражают, так или иначе, процессы в развитии культуры — бытовой и художественной, в истории повседневности и праздников.

Исследование произведений золотошвейных мастерских Древней Руси (X–XVII вв.) началось со второй половины XIX в., и за полтора столетия было накоплено большое количество материала, который нуждается в осмыслении и обобщении. Были опубликованы каталоги музейных коллекций памятников шитья, статьи, в которых давалась атрибуция этим вещам. Однако эти памятники, безусловно, представляющие историческую ценность, так как они имеют вкладные надписи с именами и

---

¹ Некой «Ографы Константиновой», например, вышившей большую пелену с изображением «Рождества Богоматери» начала XV в. (см.: Средневековое лицевое шитье. Византия. Балканы. Русь: Каталог выставки к XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991. С. 54–55, кат. № 13; ГИМ, инв. № 19724/РБ-2), или же И. Д. Годунова, делавших вклады в Ипатьевский монастырь (см.: *Маясова Н. А.* «Светлица» в доме боярина Дмитрия Ивановича Годунова // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века: Материалы и исследования ГММК. М., 1984. Вып. 4. С. 32–56).

² См.: *Янин В. Л.* Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 267–271.

датами, исследовались до сих пор лишь в области искусствоведения и еще не были использованы историками в качестве источников по, собственно, истории, или даже по истории культуры и быта Древней Руси.

Данная работа является как раз такого рода попыткой использования памятников золотного шитья как источников по истории жизни и быта женщин великокняжеского рода Древней Руси XV–XVI вв. Золотное шитье, связанное с именами представителей знати, с их молитвенными прошениями к святым, которым они посвящали свои вклады, с творчеством художников, рукоделием мастериц, традиционным укладом жизни, литературой и фольклором, драгоценными материалами, наконец, дает довольно широкое представление о культуре и быте Древней Руси.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования в данной работе является деятельность великокняжеских и царских золотошвейных мастерских XV–XVI вв., шитые произведения которых ныне хранятся, в основном, в государственных музеях. Предметом исследования — уклад жизни русских княгинь, их роль в работе мастерских, их важнейшие душевные и духовные потребности, выразившиеся в произведениях шитья, их ценности жизни.

Источники. Основным видом источников в данной работе были памятники золотного шитья, которые были вложены некогда в монастыри и церкви представителями великокняжеского рода, а сейчас находятся в музеях. Самыми важными для исследования памятников шитья являются, прежде всего, фонды Государственного музея «Московский Кремль», Сергиево-Посадского музея-заповедника и Русского музея, коллекции которых содержат произведения шитья, вложенные княгинями, соответственно, в Успенский собор Московского Кремля³, Троице-Сергиеву лавру⁴ и Кирилло-Белозерский монастырь⁵. Сведения о некоторых несохранившихся вкладыях великих княгинь содержатся в монастырских описях и

---

³ См., например: Русское художественное шитье XIV – начала XVIII века: Каталог выставки / Авторы, вступ. ст. и сост. Н. А. Маясова, И. И. Вишневецкая. М., 1989; Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье: Каталог. М., 2004.

⁴ См.: *Манушина Т. Н.* Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея: Альбом. М., 1983; *Балдин В. И., Манушина Т. Н.* Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. М., 1996.

⁵ См.: *Лихачева Л. Д.* Древнерусское шитье XV – начала XVIII века в собрании ГРМ: Каталог выставки. Л., 1980; *Лихачева Л. Д., Плешанова И. И.* Декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ

во вкладных книгах⁶. Это еще один вид источников, который использовался в работе. Монастырские описи имеют также большое значение и для атрибуции сохранившихся памятников, не имеющих вкладных подписей. Отдельным видом источников также явились летописи⁷, в которых отмечены те или иные события, в связи с которыми великие княгини могли делать вклады шитьем: освящение храма, по случаю которого могла быть подарена церковная утварь, в том числе шитая, или торжественное перемещение чудотворных икон из одного города в другой, паломнические поездки великокняжеской четы к мощам чудотворцев и т.п. Использовались также другие памятники древнерусской словесности (послания, письма, повести, жития и др.)⁸ и записки иностранцев⁹, которые могли бы дополнить наши представления о традиции шитья и о персоналиях, затронутых в исследовании. Кроме того, были использованы вербальные, не письменные источники, фольклор, для подтверждения традиционных черт в занятиях золотошвейным рукоделием русских княгинь.

Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1994; Русские монастыри: искусство и традиции. Л., 1997.

⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Калитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментарированное издание / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шармазов. СПб., 1998.

⁷ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996; Полное собрание русских летописей. Т. 2, 4-6, 8, 13-15, 19, 20, 25, 28-30. СПб.; М., 1903-1914; 1963-2001. — Просмотрены были все тома ПСРЛ.

⁸ Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994; Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1982; *Иов*. Повесть о житии царя Федора Ивановича // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1987. С. 74-129; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979; Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому / Подг. текста, пер. на соврем. рус. яз. и ком. О. А. Белобровой // ПЛДР. XIV – сер. XV в. М., 1981. С. 444-447, 581-582; Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

⁹ *Герберштейн* С. Записки о Московитских делах / Вступ. статья Павла Иовия Новокомского; введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908; *Михаил Литвин*. О правах татар, литовцев и москвитян / Перевод В. И. Матузовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 1994; Сказания иностранных писателей о России. Т. 1. Московские летописи Копрата Бусова и Петра Петрея. СПб., 1851; Описание России неизвестного англичанина, служившего зиме 1557-1558 гг. при царском дворе // Известия англичан о России XVI века. ЧОИДР. 1884. Кн. 4. Раздел 3. С. 12-30; *Павел Аленицкий*. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1889. Вып. 4.

Историография проблемы. Интерес к произведениям шитья как к памятникам старины возник еще во второй половине XIX в. по мере формирования музейных коллекций. Первые публикации об отдельных памятниках золотного шитья и, позднее, каталоги и описания собраний древностей появились во второй половине XIX в.¹⁰ — начале XX в.¹¹, а после национализации церковного имущества в 20-е гг. XX в. государственные музейные фонды стали пополняться вещами из монастырских ризниц, и появилась возможность их более масштабного исследования. Все исследования, посвященные золотному шитью Древней Руси (X–XVII вв.), по своим задачам можно разделить на четыре основные группы: статьи о технических приемах в шитье и реставрации шитых произведений¹², публикации отдельных памятников¹³, описания коллекций музеев или бывших собраний

¹⁰ См.: *Варлаам*, архимандрит. Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 1-104; *Макарий*, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 295-358; *Савва*, епископ Можайский. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы. М., 1883. С. 12-32; *Бычков Ф. А.* Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. Ярославль, 1886; *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888; *Щукин П. И.* Краткое описание Щукинского музея в Москве. М., 1895.

¹¹ Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1907. Отд. 4-6; *Титов А. А.* Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911; *Трутовский В.* Романовская церковно-археологическая выставка в Москве // Старые годы. 1913. Июнь. С. 36-43; *Георгиевский В. Т.* Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой Лавры // Светильник. 1914. № 11-12. С. 3-26; *Макаренко И.* Выставка церковной старины в музее барона Штигица // Старые годы. 1915. Июль – август; *Щекин В. Н.* Памятник золотного шитья XV в. // Древности. Труды Московского Археологического Общества. 1884. Т. 15. Вып. 1-2. С. 35-68.

¹² *Александрова-Дольник Т. Н.* Шитье // Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад. 1919. С. 89-100; *Она же.* Шитье московской мастерской XVI века // Вопросы реставрации. М., 1926. Т. 1. С. 125-136; *Шабельская Н.* Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации. М., 1926. Т. 1. С. 113-124; *Клатц Е. Э.* К вопросу о технике древнерусского золотного шитья ризницы Соловецкого монастыря // Изобразительное искусство. Л., 1927. С. 84-112; *Рябова М. П.* Новый метод реставрации древнерусского шитья // Сообщения Загорского музея. Загорск, 1958. Вып. 2. С. 43-46; *Она же.* Основные принципы реставрации тканей шитья // Вопросы реставрации и консервации произведений изобразительного искусства: Методическое пособие. М., 1960. С. 149-167; *Она же.* Восстановление и реконструкция древнерусского шитья // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 207-217; *Качанова И. М., Шабельник В. С.* Реставрация тканей в музеях Кремля (из опыта работы) // Декоративно-прикладное искусство: Материалы и исследования ГММК. М., 1993. Вып. 9. С. 182-193.

¹³ См.: *Олсуфьев Ю. А.* К вопросу о шитом деисусном чине (№ 1543) в Музее б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1924; *Он же.* Кто вкладчики воздуха № 1479 и покрова № 1541 в музее б. Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1924; *Маясова Н. А.* «Двойной покров» XVI века // Сообщения Загорского музея. Загорск, 1958. Вып. 2. С. 25-30; *Осмоловская Н. М.* Ценный памятник древнерусского искусства // Искусство. 1966. № 6. С. 67-69; *Маясова Н. А.* Памятник москов-

монастырей и церквей¹⁴, выявление и характеристика отдельных мастеров-кнх¹⁵. Все они, главным образом, решают вопросы классификации и атрибуции памятников по их стилистическим особенностям, материалам и технике исполнения. Появился также интерес к типологии памятников шитья по их иконографическим особенностям¹⁶. Однако, собственно, к вопросам культуры и быта Древней Руси, раскрывающихся, в том числе и через деятельность золотошвейных мастерских при великокняжеских и царских дворах, впервые обратился И. Е. Забелин. В его труде о домашнем быте

ского золотного шитья XV века // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 488-493; *Она же*. Три шитых покрыва XVI века в собрании музеев Кремля // ГММК. Материалы и исследования. М., 1973. Вып. 1. С. 132-147; *Хлебникова Н. А.* Покров Пафнутия Боровского // ПКНО. 1975. М., 1976. С. 234-239; *Лихачева Л. Д.* Покров Пафнутия Боровского из Государственного Русского музея // ПКНО, 1977. М., 1977. С. 269-273; *Она же*. Шитые произведения, связанные с родом Голицыных // Древнерусское художественное шитье: Материалы и исследования. М., 1995. С. 103-114; *Она же*. Ранний покров Кирилла Белозерского из собрания Русского музея. ПКНО, 1994. М., 1996. С. 381-387; *Манушина Т. Н.* Произведение древнерусского лицевого шитья XV в. // ПКНО, 1974. М., 1975. С. 265-270; *Она же*. Плащаница из собрания Загорского музея // ПКНО, 1977. М., 1977. С. 245-252; *Она же*. Пелена 1550 г. царицы Анастасии Романовны // ПКНО, 1980. М., 1981. С. 435-442.

¹⁴ См.: *Георгиевский В. Т.* Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927; *Свирин А. Н.* Древнерусское шитье. М., 1963; *Щеткина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV века. М., 1954; *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971; *Лихачева Л. Д.* Древнерусское шитье XV – начала XVIII века в собрании ГРМ: Каталог выставки. Л., 1980; *Манушина Т. Н.* Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея: Альбом. М., 1983; *Лихачева Л. Д., Плешанова И. И.* Декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985; «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1994; Русские монастыри: искусство и традиции. Л., 1997; Русское художественное шитье XIV – начала XVIII века: Каталог выставки / Авторы, вступ. ст. и сост. Н. А. Маясова, И. И. Вишневецкая. М., 1989; *Балдин В. И., Манушина Т. Н.* Троице-Сергиева лавра: Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. М., 1996; *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевого шитье. М., 2004.

¹⁵ *Георгиевская-Дружинина Е. В.* Строгановское шитье в XVII веке // Русское искусство XVII века. Л., 1929. С. 109-132; *Маясова Н. А.* Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 41-64; *Она же*. Кремлевские «светлицы» при Ирине Годуновой // ГММК. Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2. С. 39-61; *Хлебникова Н. А.* Малоизвестные произведения мастерской Софии Палеолог // ПКНО. 1976. С. 196-203; *Лихачева Л. Д.* Произведения шитья Софии Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 723-729; *Силкин А. В.* Строгановское лицевого шитье. М., 2002; См. также: *Маясова Н. А.* К истории изучения древнерусского лицевого шитья // Материалы и исследования, 1995. Вып. 10. С. 9.

¹⁶ См., например: *Петров А. С.* Древнерусские шитые пелены под иконы. XV–XVI вв. Типология, функция, иконография: Автореферат дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008.

русских царич в XVI–XVII вв.¹⁷ царицыным светлицам XVI–XVII вв. посвящена небольшая глава, в которой говорится о традиционности этого благочестивого занятия знатных русских женщин, о постническом идеале, который поддерживался в их быту, включавшем непременно и церковное рукоделие, а также об устройстве мастерской и организации работы в ней, о чем свидетельствовали единичные документы, в XIX в. еще сохранявшиеся в архивах Кремля. Позднее, когда начали уже исследоваться и публиковаться памятники шитья государственных музейных коллекций, были сделаны в 20-е гг. и попытки исследования летописных известий о тех или иных шитых памятниках А. П. Лебедянской¹⁸. Однако ее работы не были изданы. Две ее рукописные статьи были недавно обнаружены в фондах БАН, где она работала¹⁹. В 60-х гг. Н. А. Маясова предложила, правда, в рамках искусствоведческой науки, комплексный метод изучения шитья, который предполагал исследование памятников как произведений искусства и культурно-исторических источников²⁰. Условием его является привлечение письменных исторических и литературных источников, раскрывающих конкретные события, связанные с самим произведением или его создателями. Благодаря такому подходу стала проясняться яркая история создания памятников шитья, связанная с общественно-политическими событиями государства и биографиями многих исторических лиц. Н. А. Маясовой удалось также выявить несколько значительных мастерских и дать точную атрибуцию многим десяткам шитых произведений²¹. Таким образом, памятники шитья стали изучаться в историческом контексте, однако предметом исследования в этих работах, по-прежнему, остаются произведения шитья, а не исторические лица.

---

¹⁷ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских царич в XVI и XVII столетиях. М., 2001.

¹⁸ *Лебедянская А. П.* Летописное известие о шитой завесе 1556 г. ОР РНБ. Ф. 585 (Собрание С. Ф. Платонова). Оп. 1. № 3371. Л. 16-25; *Она же.* С Вятки на Москву и обратно (Эпизод из истории древнерусского искусства XVI в.) РО БРАН. Собрание авторских материалов. Оп. 2. № 6. Л. 1-8.

¹⁹ *Анфертьева А. Н., Подковырова В. Г.* Александра Петровна Лосебедянская в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук // Бранденбургские чтения: Письменные памятники в музейных собраниях. СПб., 2007. Вып. 2. С. 7-11.

²⁰ См.: *Маясова Н. А.* Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья // Материалы и исследования ГММК. М., 1973. Вып. 1. С. 111-131.

²¹ Список работ Н. А. Маясовой опубликован в сб.: *Древнерусское художественное шитье: Материалы и исследования / Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль».* М., 1995. Вып. 10. С. 198-201; см. также: *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. М., 2004.

За полтора столетия было накоплено достаточно материала об искусстве золотного шитья, чтобы можно было его использовать и в качестве источника о жизни и деятельности хозяек великокняжеских и царских золотошвейных мастерских XV–XVI вв.

Цели и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление малоизвестной сферы жизни и деятельности великих княгинь XV–XVI вв. — их творчества в золотошвейных мастерских, а также определение значения золотного шитья в жизни знатных женщины великокняжеского рода, его места в истории повседневности великокняжеского быта и в истории культуры Древней Руси указанного периода.

Задачи работы сводились к следующему:

1. Собрать все разрозненные и доступные на сегодняшний день сведения о памятниках золотного шитья, изготовленных в великокняжеских мастерских в XV–XVI вв., и выстроить эти сведения в хронологическом порядке по периодам руководства ими великими княгинями и царицами.

2. В некоторых случаях атрибутировать или уточнить прежние данные о памятниках шитья, относящихся к кругу исследуемых произведений, но имеющих неверную или неточную атрибуцию.

3. Показать масштаб деятельности золотошвейных мастерских, в отдельных случаях — материальные и временные затраты вкладчиков на создание шитых произведений.

4. Определить важнейшие побудительные мотивы создания шитых произведений.

5. Составить род жизнеописания великих княгинь на основании свидетельств их деятельности в мастерских.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с XV до XVI вв. — время интенсивного развития Московского княжества, ставшего во второй половине XVI в. царством, и время расцвета русского искусства и культуры, с которыми тесно связано и золотошвейное рукоделие великих княгинь. Первый рассматриваемый в настоящей работе памятник, правда, имеет дату несколько более раннюю — 1389 г., но с него необходимо было начать исследование произведений княжеских светлиц, так как это единственный памятник, имеющий вкладную надпись с датой и именем княгини. Он является необходимым первым звеном в

воссоздании деятельности великокняжеских золотошвейных мастерских, а события с ним связанные имеют прямое отношение к жизни следующих поколений великих княгинь. Заканчивается этот период расцветом искусства при царском дворе, в мастерских которого работали лучшие художники и мастера, и внезапным обрывом этой ветви развития русской культуры в годы Смуты. Последние шитые вклады Годуновых начала XVII в., унаследовавшие традиции шитья предыдущих нескольких светлиц XVI в., резко отличаются от первых работ золотошвейной мастерской новой династии — Романовых, так как после Смуты, были утрачены нити, сплетавшие веками жизнь внутри государева двора, и многое в реконструкции царского быта XVII в. было выстроено с заметным равнодушием к прежним эстетическим и аскетическим принципам жизни и творчества.

Методология исследования. Методологической основой диссертации являются принципы историзма и научной объективности, требующие исследования фактов и явлений в связи с конкретными условиями, в которых они возникли; выделения общих и специфических черт, присутствующих данным явлениям; раскрытия связей между историческими фактами и выявления их специфики; анализа совокупности всех фактов, относящихся к исследуемым проблемам. Реализация исследовательских задач диссертационной работы обусловила применение совокупности различных методов и подходов.

Применение сравнительно-исторического метода позволило проанализировать и реконструировать изучаемые явления в их взаимосвязи и противоречивости, рассмотреть процесс развития и функционирования великокняжеских золотошвейных мастерских XV–XVI вв., а также определить значение занятий церковным рукоделием в жизни великих княгинь рассматриваемого периода.

Использование хронологического метода позволило в рамках поставленных задач изучить в хронологической последовательности развитие великокняжеских светлиц и деятельность княгинь и цариц в них.

Методы палеографии и герменевтики позволили уточнить атрибуцию некоторых памятников шитья.

Биографический метод дал возможность персонифицировать исследуемую тему, позволив ярко и наглядно представить судьбы и характеры великих княгинь и цариц, их художественные вкусы и молитвенные труды.

Научная новизна исследования. В данном диссертационном исследовании впервые на основании памятников древнерусского золотного шитья и письменных источников воссоздается история деятельности почти всех великих княгинь и цариц Древней Руси XV–XVI вв. в их золотошвейных светлицах. Впервые выявляются некоторые, ранее неизвестные, центры художественного шитья XV в., дается новая атрибуция кругу первоклассных памятников, ошибочно считавшихся московскими, точнее датируются некоторые другие известные памятники. Впервые в исследовании традиций церковного лицевого шитья привлекаются данные фольклористики, дающие представление о народном субстрате в культуре древнерусской знати. Комплексное изучение творчества золотошвейных мастерских дает наиболее полное представление о древнерусском шитье как творчестве и традиции, которые были тесно связаны с иконописным искусством великокняжеского двора, с книжностью, религией и фольклором.

Практическая значимость работы. Материалы и результаты исследования, биографические данные, выявленные в работе, могут быть использованы в общих трудах и при создании курсов по истории культуры и быта Древней Руси, специальных курсов по истории древнерусского искусства. Они также могут дать повод для пересмотра атрибуции некоторых памятников декоративно-прикладного искусства и использоваться при составлении каталогов произведений древнерусского шитья. Наконец, материалы работы могут быть использованы в разработке гендерной проблематики.

Апробация работы. Основные материалы и выводы данной диссертационной работы были изложены в докладах на международных, общероссийских и региональных конференциях в Свято-Тихоновском институте в Москве («Традиции и тенденции развития современного церковного шитья», 26–28 января 2004 г.), в СПбГУ («Культура и история», 14–15 апреля 2004 г.), на Пятых покровских чтениях в РГПУ им. А. И. Герцена («Традиции древнерусского шитья и современное образование», 15–17 октября 2004 г.), в Ферапонтово на ежегодных чтениях в Музее фресок Дионисия (20–21 октября 2006 г.). Исследованные в настоящей работе вопросы были отражены в публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

Основное содержание диссертации

Введение содержит постановку темы исследования. Здесь говорится о предмете исследования, обоснована актуальность темы диссертации, рассмотрена историография вопроса и степень его разработанности на современном этапе, определены хронологические рамки, сформулированы цели и задачи исследования.

Глава I. Светличное рукоделие в жизни древнерусской женщины.

§ 1. Женское рукоделие в народной традиции и в христианской культуре. В этой части работы раскрывается значение традиционного рукоделия в жизни женщины Древней Руси на основании сведений из памятников письменности и фольклора.

Сборник правил и рекомендаций по обустройству благочестивой жизни и один из основных источников по истории русского быта XVI в. «Домострой»²² придает женскому рукоделию морально-нравственное значение и рекомендует приниматься за него с молитвенной сосредоточенностью. Более того, женщине предписывается вообще быть постоянно занятой такого рода трудами, так как иначе ей грозят искушения. Рекомендации «Домостроя» в великокняжеских и царских хоромах, несомненно, соблюдались, так как жизнь семьи государя должна была совпадать с идеалами народных представлений.

В народной архаической традиции занятия рукоделием также считались непременным условием благополучного существования женщины, так как прядение, ткачество и шитье были важной частью предсвадебного ритуального поведения и обладали, по представлениям, идущим от язычества, магической силой, обеспечивающей благополучие и многоплодие семьи²³. Значение в этом смысле имели также и орнаменты, вышивавшиеся девушками и женщинами на тканых изделиях.

Христианская традиция рукоделия для церкви связана с преданиями о земной жизни Богородицы, о ее участии в изготовлении завесы для Святого Святого Храма Соломонова. Молитвенным рукоделием в подра-

---

²² Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.

²³ См.: Бернштам Т. А. «Хитро-мудро рукодельице» // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России: Сборник музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Вып. 57. С. 191-247.

жание благочестивым девам Иерусалима занимались монахини первых женских монастырей.

Появление традиции церковного шитья на Руси, судя по летописным источникам, следует относить уже к первому веку после крещения Руси. Известно, что игуменья женского монастыря в Киеве Анна, сестра Владимира Мономаха, «совокупивши черноризици многи»²⁴, в конце XI в. обучала их грамоте, пению и шитью²⁵. Русские мастерицы так быстро овладели этим новым для них видом искусства, что уже в XII в. их работы появились в одном из афонских монастырей²⁶.

Несмотря на то, что искусно вышивать умели и в народной среде, церковным сюжетным, или лицевым (с изображением ликов), шитьем занимались только в мастерских при богатых княжеских и боярских дворах или в монастырях, поддерживаемых знатными вкладчиками.

Работа производилась в просторной светлой комнате без печи, в мастерской работало одновременно несколько человек²⁷. К созданию шитых пелен привлекались художники, одни из которых намечали на ткани лики, другие — орнаменты, а третьи — вязь текстов.

Роль хозяйки в организации работы светлицы была очень ответственной: она выбирала сюжеты для изображений, задавала свои условия в построении композиции, непосредственно участвовала в вышивании пелен, ведая одновременно хозяйственными вопросами, связанными с затратами на материалы для работы и вознаграждением вышивальщицам, и еще должна была устроить и необходимую атмосферу для слаженной работы и благочестивого молитвенного настроения в мастерской.

Значение этой деятельности хозяек светлиц было тем выше, чем выше было их социальное положение. Великие княгини являли собой пример идеала женской доли, жизненного пути, святость которого и благоговение к которому отразились и в памятниках древнерусской словесности и в фольклоре.

---

²⁴ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 505, под 1086 г.

²⁵ Татищев В. Н. История Российская. В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 97.

²⁶ Свириш А. Н. Древнерусское шитье. М., 1963. С. 8-9.

²⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001. С. 543.

§ 2. Путь благоверной княгини в представлении народа и в литературном произведении XVI века. В этом параграфе показана общность народных идеалов и идеала, который поддерживался устройством жизни государева двора — великокняжеского или царского. Представление об идеальной женской судьбе, доле, выявляется на примере известного литературного произведения XVI в. — Повести о Петре и Февронии²⁸, которое в свою очередь содержит множество фольклорных мотивов, связанных с предсвадебным ритуальным женским рукоделием. Эти элементы народной традиционной культуры, органично вошедшие в Повесть, как оказалось, сохранялись в свадебной обрядовости восточных славян до начала XX в. Кроме того, понятие об идеальной женской доле отражено и в таком жанре фольклора, как волшебная сказка. В этой части работы приводятся примеры структурного сходства построения Повести и волшебной сказки, которые с одинаковой неизбежностью приближают к высшей награде своих героев — лучшей, идеальной доле. Однако в сказках наградой являются, как правило, женитьба и получение сказочного же царства, а под пером христианского писателя в Повести наградой князю и княгине, которая только перед смертью отложила свое шитье, стал после долгих лет целомудренного брака их переход в Царство Небесное.

Глава II. Золотное шитье великокняжеских светлиц XV в.

§ 1. Пелена Марии Александровны Тверской. Первый параграф главы посвящен памятнику, несколько выбивающемуся за хронологические рамки исследования — пелене 1389 г. Марии Александровны Тверской (супруги Симеона Гордого). Так как эта пелена является единственным точно датированным произведением шитья великокняжеских светлиц до 1456 г. (плащаница Вклада Василия II), то ее рассмотрение необходимо для построения хронологического ряда последующих памятников XV в. и для понимания специфических особенностей появления произведений, созданных под влиянием разных традиций разных художественных центров.

§ 2. Плащаница вклада Василия I. В данном параграфе рассматриваются вклады Василия I и приводятся доказательства существования при

---

²⁸ Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

нем и его супруге Софье Витовтовне золотошвейной мастерской Евдокии Дмитриевны, матери великого князя. Именно с ее именем связаны первые упоминания летописцами обращения княгини за молитвенной помощью к старцам монастыря по поводу дарования наследника престола. Евдокия Дмитриевна просила молитв за себя и весь великокняжеский род своего современника Сергия Радонежского, а последующие княгини обращались к преподобному Сергию уже после его канонизации через полвека после его кончины. Существуют также указания в летописи об участии Евдокии в украшении храмов, в том числе шитьем собственного изготовления²⁹.

§ 3. Произведения шитья, связываемые с именем Софьи Витовтовны. Здесь оспаривается атрибуция группы памятников шитья XV в., которые приписывались мастерской Софьи Витовтовны³⁰. Высказывается новое предположение о смоленском происхождении рассматриваемых произведений, стилистически близких к памятникам живописи древнего Смоленска (XII–XIII вв.)³¹. Эти памятники шитья действительно могли быть связаны с именем Софьи, так как ее мать была из рода смоленских князей, а Софья навещала своих родителей в Смоленске и вернулась в Москву «с честью и съ многими дары³²». Сама она вряд ли вышивала, так как воспитывалась в иных традициях — ее детство и отрочество прошло в Литве и в немецких замках, в которых, разумеется, ничего подобного древнерусскому церковному шитью не было³³. Ни одного произведения шитья, имеющего вкладную надпись с ее именем пока не найдено.

§ 4. Шитье светлицы Марии Ярославны. Вклады в монастыри и храмы супруги Василия II княгини Марии Ярославны, помимо обычных для великих княгинь прошений о продолжении рода, здравии и спасении душ своих близких родственников, связаны с событиями феодальной войны

---

²⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 221, под 1393 г.

³⁰ См.: *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. С. 88–89.

³¹ См.: *Вороши Н. Н.* Смоленская живопись 12–13 веков. М., 1977.

³² ПСРЛ. Т. 25. С. 228, под 1398 г.

³³ См., например: *Адомонис Т. П.* Искусство Литвы XIII–XVII веков. С. 194–197; *Батура Р. К., Пащито В. Т.* Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 99; *Крачковский Ю. Ф.* Старая Вильна до конца XVII столетия. Вильна, 1893.

второй четверти XV в.³⁴ Самый поздний памятник из ее светлицы был подарен в Софию Новгородскую после смерти в Новгороде Дмитрия Шемяки, оспаривавшего у Василия II права на московский великокняжеский престол. Эта борьба за великое княжение отразилась и во вкладных надписях плащаниц, подаренных в новгородские храмы от имени семей Василия II и Дмитрия Шемяки, в которых оба вкладчика величают себя великими князьями.

§ 5. Пелена Марии Борисовны Тверской. Мария Борисовна Тверская, первая супруга Ивана III Васильевича, была сосватана московскому княжичу еще в детстве в трудные для Василия II годы, когда он, ослепленный и униженный, вынужден был просить у Тверского великого князя Бориса Александровича помощи в борьбе за престол Москвы. Очевидно, позднее родственные связи Марии Борисовны с тверской ветвью Рюриковичей с досадой воспринимались в ее московском окружении, а ее внезапная гибель от отравления и поспешные похороны в отсутствие супруга были как-то связаны с этими напряженными отношениями. Приглушенная неприязнь, улавливаемая в излишней сдержанности московских летописей в упоминаниях о тверской княжне, явилась, возможно, следствием недовольства близкого великого князя его щедростью к Марии. Иван Васильевич отдал своей супруге в пользование гораздо больше земель, чем предыдущие великие князья давали или, точнее, могли дать своим женам: «А казну свою всю и Романовъ городокъ и что есть властей и сель въ всемъ великомъ княжении, что бывало за великими княгинями прежними и что самъ поималъ у кого у изменниковъ, многое множество, и что прикупилъ, то все далъ своей великой княгине Марии»³⁵. Во всяком случае, сведения о ее шитье, которое, как доказано Н. А. Маясовой³⁶, сохранилось до наших дней, во вкладных книгах и описях крупнейших монастырей отсутствуют, а московские летописи, умалчивая о помощи Тверского князя Бориса Александровича Василию II, даже имя этой великой

---

³⁴ См.: Лихачева Л. Д. Ранний покров Кирилла Белозерского из собрания Русского музея. ПКНО, 1994. М., 1996. С. 381-387.

³⁵ ПСРЛ. Т. 12. М., 1965. С. 115.

³⁶ Маясова Н. А. Памятник шитья московской великокняжеской светлицы XV в. // ГММК: Материалы и исследования. М., 1980. Вып. 3. С. 56-75.

княгини стараются не упоминать или же упоминают без обычного титула «великая»³⁷. На одной из ее пелен, имеющей на каймах большое количество избранных святых, среди которых есть и традиционно почитаемые московским великокняжеским родом, и покровители тверских князей. Таким образом, не забывая о своих тверских родственниках в шитье, которое было предназначено для убора всеми почитаемой иконы в Москве, Мария Борисовна проявила характер, даже своего рода отвагу.

§ 6. Пелена «Неопалимая Купина с избранными святыми» и другие произведения шитья тверской великокняжеской светлицы. В настоящем параграфе речь идет о круге первоклассных памятников, прекрасно сохранившихся, очень ценных, судя по описям, в монастырях, куда они были вложены, но не имеющих вкладных надписей. В монастырских вкладных книгах и описях сведений о вкладчиках тоже нет. Однако эта группа памятников получила в исследовательской литературе определенную атрибуцию и, как представляется, ошибочную³⁸. В настоящей работе удалось привести ряд доказательств, опровергающих гипотезу о московском происхождении этих памятников. В результате анализа подбора патрональных изображений святых на каймах этих пелен и обращения к историческому контексту времени, в которое они создавались, был выявлен еще один центр художественного золотного шитья второй половины XV в. — тверская великокняжеская светлица. Этот случай переприписки известных памятников важен как прецедент, поскольку предметы искусства Твери и других Великих княжеств этого периода известны лишь в единичных памятниках³⁹, несмотря на то, что их, несомненно, было много и почти все они попали в XV в. в распоряжение московских великих князей.

Вклады Тверской княгини (золотошвейной мастерской, вероятнее всего, распоряжалась Анастасия Александровна, мать последнего Вели-

---

³⁷ ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 286, под 1467 г.

³⁸ *Маясова Н. А.* Группа памятников московского шитья времени Дионисия // Ферапонтовский сборник. М., 1999. Вып. 5. С. 208-222; *Она же.* Лицевое шитье круга Дионисия // Дионисий «живописец пресловущий». К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2002. С. 208-223.

³⁹ См.: *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI веков. М., 1979.

кого тверского князя Михаила Борисовича) были традиционно посвящены мольбам о продолжении великокняжеского рода и о спасении и здравии всех членов великокняжеской семьи.

§ 7. Произведения шитья Софии Палеолог и Елены Волошанки. В этом параграфе перечисляются произведения шитья, принадлежащие двум княгиням – второй супруге Ивана III Софье Фоминичне и его невестке Елене Стефановне, жившим при дворе Великого князя в одно время и соперничавшим между собой в желании видеть своих сыновей на московском престоле. Это их тревожное сосуществование отразилось и на памятниках шитья. Вклады Софии Палеолог дарились в монастыри в связи с прошением о даровании ей чада мужского пола, в связи с опасностью для государя в дни «стояния на Угре» в 1480 г. и затем в благодарность, очевидно, за возвращение «милости» великого князя Ивана к ней и ее сыну Василию Ивановичу после обличения кружка еретиков при митрополите Зосиме, к которым примыкала и Елена Волошанка: Последнее произведение шитья Софии Палеолог насыщено догматическими символами и имеет сложную и предельно выверенную иконографию.

Шитье Елены Волошанки создано в связи со смертью ее супруга Ивана Молодого и в память о торжественном венчании на великокняжеский престол ее сына и внука Ивана III Дмитрия. Принято считать, что на пелене вокруг торжественно несомой диаконом иконы Одигитрии изображены присутствовавшие на церемонии венчания все члены великокняжеской семьи⁴⁰. Однако шитье нимбов у предполагаемых в вышитых фигурах Ивана III, внука Дмитрия и митрополита Симона, которые ни при жизни, ни после никогда не почитались святыми, наводит мысль на иную трактовку сюжета пелены. В данной работе предлагается связать сюжет венчания с изображением процессии, в которой участвуют венценосные святые Византии и патриарх (они-то и изображены в сиянии нимбов). Святыми императорами-современниками, один из которых был преемником другого, могли быть Феодосий II Младший († 450) и Маркиан († 457). Патриархом, возглавлявшим Церковь в

---

⁴⁰ *Щепкина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV века. М., 1954; *Евсеева Л. М.* Шитья пелена 1498 г. и чин венчания на царство // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 430-438.

годы их правления, был св. Апатолий (449-458). Именно в бытность в Константинополе этих трех святых появилась в столице Византии при Феодосии Младшем, в середине V в., чудотворная икона Одигитрии⁴¹. Таким образом, Елена Волошанка, используя сюжет Византийской истории, сумела выразить также и свою радость по поводу важного события в ее жизни.

В параграфе также приведены сведения, косвенно характеризующие Софию Палеолог не только как умную и хитрую «деспину», умеющую добиваться своих честолюбивых целей, но и как заботливую мать. Интересно, что выдавая замуж за Польского короля Александра свою дочь Елену, она дала в приданое дочери, кроме икон, серебра, мехов и лошадей, «шелку в нитках»⁴², что свидетельствует еще раз о значимости рукоделия в жизни знатной женщины.

Глава III. Золотное шитье великокняжеских и царских мастерских XVI в.

§ 1. Светлица Соломонии Сабуровой. Судьба Соломонии Сабуровой, первой супруги Василия III, о которой говорится в данном параграфе, известна своей драмой — разводом с Великим князем из-за отсутствия наследника и пострижением в монастырь. Однако о повседневной, насыщенной творчеством и волнениями, жизни Соломонии почти не известно. Соломония трудилась над созданием шитых покровов и пелен на протяжении всей своей жизни до и после развода, горячо молясь о даровании ей чад в годы замужества и, видимо, ради аскезы в период своего монашества. И насколько ревностны были ее старания в шитье и мольбах о чадородии, и даже в привораживании супруга народными средствами, настолько же усердными были и ее подвиги в исполнении монашеских обетов. Пережив и своего супруга, и вторую его жену, старица София (иноческое имя Соломонии) закончила свои дни в праведности, и была прославлена как местно чтимая святая — ей были составлены канон и житие и велись записи о чудесах от гроба⁴³.

⁴¹ См.: Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон / Перевод, предисл. и коммент. А. М. Крюкова // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 464-475.

⁴² *Бережков М. Н.* Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская // Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893. Москва, 1897. Т. 2. С. 13.

⁴³ РНБ, F.XVII.16. Кн. XVII — нач. XVIII в. Л. 680 об. — 686 об.

§ 2. Светлица при Елене Глинской. В данном параграфе высказываются сомнения по поводу существующей атрибуции некоторых произведений шитья, приписываемых великокняжеской мастерской при Елене Глинской.

§ 3. Светлица царицы Анастасии Романовны. В этой части работы все сведения о шитье Анастасии Романовны соотносятся с событиями в семье царя и великого князя Ивана IV (такими как рождение и смерть детей, например), а также с историческим контекстом времени (взятием Казани, приездом афонских старцев с прошением о царской милостынии и др.). Масштаб работ царицыной светлицы по сравнению с предшествующими великокняжескими мастерскими увеличился на порядок. С этого времени особое внимание уделяется орнаментальному шитью церковной утвари. Как и прежде, вышиваются вклады с молитвами о чадородии. Появляются также шитые вещи, отражающие события общегосударственные — покровы канонизированным на Макарьевских соборах общерусским святым с вышитыми вкладными надписями, содержащими новый государев титул царя, а также хоругви для Казанского похода, катапетазма для Хиляндарского монастыря на Афоне, созданная в знак милостивого царского благоволения. Царица Анастасия возглавляла деятельность светлиц, являя своими благочестивыми трудами идеал мудрой жены, поддерживающей своего государя в его заботах о царстве.

§ 4. Царицыны светлицы в 60–70-е годы XVI в. В настоящем параграфе содержится характеристика короткому периоду в работе царицыной светлицы, когда в мастерской не было постоянной заинтересованной руководительницы и работы производились, очевидно, по указаниям Ивана Грозного.

§ 5. Шитье Марии Федоровны Нагой. На примере произведений шитья вкладов Марии Нагой очень хорошо видна потребность русских княгинь в их благочестивом рукоделии. Будучи хозяйкой царицыной светлицы и располагая мастерством не только вышивальщиц, но и художников, которым она могла поручать знамение образов на ткани, Мария вкладывала дорогие и красивые произведения шитья. Отосланная охладевшим к ней царем в Углич, в свой удел, она продолжала вышивать, несмотря на то, что прежними средствами уже не обладала. Последний ее вклад выглядит

очень бедно даже для опальной супруги государя, но тем дороже он для исследователя, так как передает стремление царицы в любых обстоятельствах молить о своей семье, особенно о чаде — царевиче Дмитриии.

§ 6. Светлица Ирины Годуновой. Параграф посвящен вкладам Ирины Годуновой во время ее замужества и затем вдовства. Царица в течение долгих лет не могла выносить младенца и вместе с супругом усердно молилась разным святым о даровании ей чада. Ее, также как и Соломонию Сабурову, мог ожидать развод. Произведения шитья царицыной светлицы при Ирине Годуновой отражают ее тревогу и мольбы о наследнике. От этой светлицы осталось наибольшее число памятников. Половина из них была создана в короткий период времени ожидания ребенка, рождения и несколько месяцев жизни новорожденной царевны Феодосии, и в основном это были покровы святых, к чьей молитвенной помощи прибегала Ирина. После смерти супруга и ухода в монастырь царица инокия Александра вышивала композиции гимнографического жанра — изображение Похвалы Богоматери и своих святых покровительниц — мучениц Ирины и Александры, комплекты воздухов и покровцов. Таким образом, видно, что занятия золотойшвейным рукоделием являлись действительно духовной потребностью, которая существовала и в бытность княгини в миру, и в пребывании в монашеском чину. Когда были бессмысленны уже обращения к святым о своих мирских тревогах, княгини и царицы продолжали вышивать, посвящая свое прилежание делу спасения души.

§ 7. Светлица при Борисе Федоровиче Годунове. Мастерская Ирины Годуновой после пострижения царицы, очевидно, была разделена — часть вышивальщиц, вероятно, переехала вместе с Ириной (Александрой) в Новодевичий монастырь, а другая часть осталась в царицыной светлице в Кремле. Эта мастерская «замышлением» нового царя Бориса Федоровича изготавливала шитые вещи, сходные по уровню качества с произведениями царицы Ирины. Царь Борис по традиции уделял должное внимание затратам на вклады в монастыри, в том числе и произведениями шитья. Все эти вклады делались от его имени. Известий об участии его супруги Марии Григорьевны Скуратовой-Бельской в «строении» шитых покровов или пелен нет, но его дочь царевна Ксения, получившая наилучшее по тем временам образование, была «во всех женах благо-

чинныйша и писанию книжному навычна»⁴⁴ и, по всей видимости, вышивала — монастырское предание ее вкладу приписывало две сохранившиеся до наших дней прекрасно вышитые вещи из Троице-Сергиева монастыря. Характерно, что царевна выбирала для своего шитья композиции литургико-символического жанра, наиболее абстрактного, так как, не будучи замужем, она не могла вслед за другими особами царского достоинства обращаться к святым, на молитвенную помощь которых обычно рассчитывали царицы, желавшие рождения наследников. Судьба царевны Ксении сложилась трагически в годы Смуты. Закончила свои дни она в монастыре, в бедности, и, конечно, уже не вышивала. Не было в первые годы воцарения Михаила Романова вышивальщиц и в кремлевской светлице — хозяйственная структура Кремлевского двора была разорена, казна пуста. Создавать золотошвейную царицыню светлицу пришлось заново, и ее произведения уже были не похожи на шитые вещи цариц предшествующей эпохи.

В Заключении диссертации подведены итоги исследования, обобщены выводы и определено значение деятельности золотошвейных мастерских великих княгинь и цариц в их жизни и в системе ценностей культуры Древней Руси.

Великокняжеские золотошвейные светлицы XV–XVI вв. представляли собой великолепно организованные художественные центры, в деятельности которых участвовали вышивальщицы, иконописцы, художники-орнаменталисты и словописцы и сами хозяйки мастерских.

Золотошвейное рукоделие в мастерских великих княгинь было волнующим искусством, требовавшим напряженного творческого труда, умения и навыков и больших материальных затрат. Но в тех случаях, когда великие княгини или царицы оказывались по разным причинам лишенными прежних средств, они все же решались шить даже большие покровы, так как их молитвенное дерзание не могло быть остановлено материальными затруднениями.

В XV в. прекрасные золотошвейные мастерские были не только в Москве, но и в престольных городах других великих княжеств — Твери,

---

⁴⁴ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. РИБ. Т. 13. СПб., 1909. Стлб. 621. См. также: *Маясова И. А.* Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // ТОДРЛ. Л., 1966. Т. 22. С. 294.

Рязани, в крупных художественных центрах Владимирской земли — Суздале и самом Владимире. С усилением Московского княжества к XVI в. эти старые художественные центры померкли.

Золотное шитье Москвы с конца XIV до начала XVII вв. сохранилось полнее, чем шитье других земель, и эти памятники свидетельствуют о том, что почти все великие княгини и царицы делали шитые вклады.

На материале XV в. можно убедиться, что произведения шитья великокняжеских светлиц, имея общие для своего времени черты и ориентацию на образцы византийского искусства, отличались между собой особенностями вкусов хозяек мастерских, набором художественных приемов, своего рода «школой». Среди них особенно выделялись московские светлицы, очевидно, потому, что Москва имела более тесные связи с константинопольским патриархатом, в то время как остальные княжества поддерживали связь с греческим миром через византийские провинции. При этом хорошо видно, что русские мастерицы всегда в собственной манере перенимали греческие эталоны, что говорит о степени творческой самостоятельности светлиц.

В московском шитье XV в. памятники шитья каждой новой мастерской значительно отличались друг от друга, что свидетельствует о большой роли индивидуальности в создании шитых вещей. В XVI в. творческую преемственность уже вполне можно проследить, так как увеличивается роль собственно мастерской, мастериц-вышивальщиц в создании произведений. Штат вышивальщиц на протяжении рассматриваемого периода постепенно увеличивался, престиж и значение шитых вкладов росли. Расширение мастерской снижало долю личного участия великих княгинь и цариц в создании шитых произведений, увеличивая круг их забот организационного характера.

Искусству шитья обучались с детства, что было принято во всех слоях древнерусского общества. Именно получение девушками традиционного образования, включавшего и обучение рукоделию, позволяло молодым великим княгиням после замужества сразу приступать к делам мастерской. Но если в народной культуре золотное шитье было связано всего лишь с доброжелательной магией, то шитье великокняжеских и царских светлиц, создаваемое в первую очередь для украшения храмов, было вы-

ражением христианского благочестия, материализованной молитвой, осмысленным воздержанием и постом.

С другой стороны, золотное шитье, даримое в монастыри и церкви, воплощало и вполне определенные молитвы — молитвы о чадородии. В народной традиционной культуре уже одно только занятие женским рукоделием предопределяло успешность важнейшей функции женщины в семье — рождение детей, а в жизни великих княгинь и цариц для благого хода дел великокняжеского рода заручались еще и молитвенной помощью Церкви. Кроме того, богатые вклады поддерживали престиж семьи вкладчиков.

Таким образом, в повседневной деятельности русских великих княгинь и цариц светличное рукоделие было предметом особой заботы. Это было неизбежно при такой профессиональной организации золотошвейных мастерских, какая существовала при государевом дворе. Вместе с тем, рукоделие было традиционным женским благочестивым занятием, тем более значимым, если оно посвящалось украшению храмов.

Вклады произведений шитья нередко делались государями и государынями во время их богомольных походов к святым мощам. Изображение на пеленах святых, к которым обращались вкладчики, было тщательно продумано и, вероятно, придавало молитве большую убедительность. По подбору святых на каймах пелен удается даже установить имя вкладчика (так в данной работе были распознаны произведения тверской великокняжеской светлицы). Прошения, в связи с которыми предпринималось церковное шитье, были однообразны и повторялись из поколения в поколение: о спасении души, о здравии, о поминовении душ усопших родных, о чадородии, о благоденствии отечества. Прошения эти исходили не только от лица хозяйки мастерской, но, в большинстве случаев, от имени государя или всей семьи.

Светличное рукоделие требовало регулярности, усидчивости, терпения, молитвенной сосредоточенности. Следовательно, оно являлось насущной необходимостью в духовной жизни древнерусских женщин, княгинь, цариц.

Развитие золотного шитья великокняжеских и царских светлиц было весьма динамичным вследствие тесного взаимодействия с другими видами художественного и декоративно-прикладного искусства и вслед-

ствие многих и многих поводов, побуждавших хозяек этих мастерских делать все новые и новые вклады в церкви и монастыри. Но, вместе с тем, на протяжении столетий сохранялась неизменность его молитвенного характера и его значимости в благочестивом укладе жизни древнерусской женщины. Таким образом, история лицевого шитья, неразрывно связанная с судьбами его создателей, подтверждает главенство церковного идеала жизни в системе ценностей человека культуры Древней Руси, идеала, осуществлявшегося в молитвенном устроении быта и деятельности людей.

В Приложении представлены иллюстрации с изображениями памятников золотного шитья XV–XVI вв. из великокняжеских и царских светлиц, хранящихся в различных музеях России.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. Круглова А. Р. Произведения шитья тверской великокняжеской светлицы // Вестник молодых ученых. 2006. № 4. С. 48-55. — 0,6 п. л.

Другие публикации:

2. Круглова А. Р. Образ Кирилла Белозерского в шитье великокняжеских светлиц // София. 1998. № 1. С. 33-34. — 0,2 п. л.

3. Круглова А. Р. Золотное шитье светлиц великокняжеского рода // София. 1998. № 3. С. 24-27. — 0,7 п. л.

4. Круглова А. Р. Ткани в описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. // Тезисы докладов XI Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры». Тихвин, 1999. — 0,1 п. л.

5. Круглова А. Р. Два первых шитых вклада московского великокняжеского рода // Материалы VIII семинара-выставки по церковному шитью. М., 2004. С. 54-57. — 0,2 п. л.

6. Круглова А. Р. Еще раз о пелене 1498 г. Елены Волошанки // Материалы VIII семинара-выставки по церковному шитью. М., 2004. С. 58-60. — 0,1 п. л.

7. Круглова А. Р. Путь благоверной княгини в представлении народа и в литературном произведении XVI в. // Покров: Сб. науч. статей. СПб., 2005. Вып. 1. С. 19-24. — 0,7 п. л.

8. Круглова А. Р. Великокняжеские светлицы (материалы к истории Отечества) // Покров. Сб. науч. статей. СПб., 2005. Вып. 1. С. 127-134. — 0,8 п. л.

Подписано в печать 11.09.2009 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 130 экз. Заказ № 67.

Отпечатано в ЦОП ВИМЛИВВС
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 7